

*Посвящается Чарли, Анни и Тому
Вы для меня — всё.*

Глава первая

Ненависть — живое существо, семя, которое растят и поливают. Если как следует о ней заботиться, она растёт и цветёт. В подходящих условиях она действует как инвазивный вид — побеждает в борьбе за первенство, вытесняет другие растения, перекрывает им солнечный свет и кислород.

Обрекает их на голод.

Пока они не умрут.

Думаю, моя ненависть, за которой тщательно ухаживали, подпитывалась, когда в моей голове снова и снова прокручивался этот момент. Рука, держащая пистолет, словно оторвана от моего мозга. Ненависть овладевает мной.

Контролирует меня.

Я смотрю на двух человек, надёжно привязанных к стульям. Иронично, но, хотя сейчас моя ненависть особенно сильна, я ощущаю странную отстранённость.

Мужчина дергает веревки, но они не поддаются. Я знаю, как завязать чёртов узел. Его губы дрожат. Он пытается показать, что спокоен, но у него не получается. На его верхней губе выступили капельки пота, широко раскрытые

глаза выдают ужас. Старуха, его мать, неподвижна. Она слишком слаба, чтобы сопротивляться. Её конец близок, и она это знает. Она умнее.

Концентрируюсь на нём. В конце концов, ведь именно из-за него я здесь.

Он открывает рот, но издает только хрип. Паника сжимает ему горло. Я хорошо знаю это чувство.

Он тяжело сглатывает и говорит — слишком громко, чтобы заглушить свой страх:

— Не делай этого. Ты пожалеешь.

Да ну?

Сожаление — забавная эмоция. По определению, её нельзя испытать, пока не совершишь того, что совершаешь. Так кто может знать, пожалею я или нет?

То, что я делаю, неправильно. Я знаю. Я наслаждаюсь его страхом куда больше, чем следовало бы. Я вдыхаю его, как запах блюда, которое готовилось несколько дней, и наконец пришло время его съесть. Предвкушение разжигает мой аппетит и усиливает голод. Нажав спусковой крючок, я наконец-то смогу насытиться. В глубине души я подозреваю, что именно это поможет мне снова обрести целостность. Я наклоняю голову.

— Не думаю.

Старуха, привязанная к стулу рядом с ним, скулит. Слезы текут по её щекам. Она слишком много времени провела на солнце. Ее кожа сморщена, как бумажный пакет, и покрыта пятнами. Хотя моя главная цель — не она, всё же и её нельзя назвать невинной жертвой. Она сама сделала выбор. Она родила и воспитала чудовище. Она позволила ему совершать такие поступки. Она знает, какой он. Всегда знала, даже если предпочитала закрывать глаза. Виновата ли она в этом? Безусловная любовь естественна для матери, но должны быть пределы и у безусловной любви.

Нужно уметь любить таких людей, понимая при этом ущерб, который они наносят другим.

Наверное, следует чувствовать к ней какую-то жалость. Ведь это он поставил её в трудное положение. Но нет, всё моё тело заполняет лишь приятная пустота, моё сердце — как мёртвое дерево.

— Ты можешь уйти, и мы никому ничего не скажем, — умоляет он.

Надо было заткнуть ему рот. Не хочу с ним разговаривать. Или хочу? Мне не нужно объяснять ему свои действия. Он знает, как мы сюда попали. Он знает, что виноват. Но, может быть, мне следовало больше упиваться его болью. Ведь упивался же он моей?

А как же.

Он такой человек. За свою жизнь он вынудил страдать многих. Сукин сын. Мучитель. Абыюзер.

В голову лезет новая мысль. Может быть, он паразит, который питается страданиями других, как растение поглощает солнечный свет. Он инвазивная лиана, которую нужно вырвать с корнем. Как ядовитый плющ, он и тогда причинит боль, но это нужно сделать.

Он облизывает губы.

— Ты не знаешь, что делаешь. Не знаешь, что значит убить человека. Это убьёт и тебя.

— Ничего, скоро узнаю, — по моему телу проносится волна удовольствия. Ситуация наконец изменилась в мою пользу.

— Каково это, быть беспомощным? Знать, что ты умрешь?

Он сжимает рот, и его лицо становится бледным, как лёд.

Старуха вскрикивает и внезапно начинает бормотать молитву. Она повторяет слова снова и снова. Они действуют мне на нервы и разжигают мою ненависть.

Бог не ответил на мои молитвы. Он позволил мне страдать. Как она смеет просить Его вмешательства сейчас, когда наконец расплачивается за свои грехи? Я навожу на нее пистолет.

— Замолчи.

Но она бубнит и стонет. Меня охватывает ярость, и слова вырываются наружу.

— Я тут бог!

Я уже не могу сдерживать себя и даже не пытаюсь. Я прижимаю пистолет к её голове и давлю на курок. Она тут же глохнет. Ее смерть так быстра, так внезапна, что почти разочаровывает. Но её смерть — не главное.

Он вздрагивает; шок сглаживает все эмоции с его лица. Его взгляд переключается с матери на меня. Он открывает и вновь закрывает рот. Он должен кричать. Должен быть вне себя от горя и боли. Но нет, он просчитывает свой следующий ход. Сукин сын. Сила наполняет меня. Пришло время мести.

Я отступаю назад и успокаиваюсь, откидываю прядь волос со лба.

— Ты думал я шучу?

Он ничего не отвечает. Он поворачивает голову и смотрит на мать. Я впитываю детали. Его лицо становится маской неверия и ужаса. Но я не знаю, не постановка ли это. Как бы то ни было, я хочу большего. Я хочу возмездия за свои страдания. Гнев проносится по моей коже, как колония огненных муравьёв. Он должен мне ответить, черт возьми.

— Отвечай! — кричу я.

Когда он всё-таки не отвечает, я прицеливаюсь в его коленную чашечку и стреляю. Пистолет дергается в моей руке. Брызги крови. Его тело содрогается, и он кричит. С силой тянет завязки на запястьях. Стул шатается. Он мог

бы опрокинуть его, если бы продолжал попытки, но это его не освободит. Узлы завязаны крепко. Он никуда не денется.

Я стреляю ему в другое колено. Он снова кричит, громко, дико и беспомощно. Воздух наполняется запахом пороха и крови.

— А теперь веришь?

Он стонет. Слезы и сопли текут по его лицу. Вопли становятся дикими. Ты можешь истечь кровью, думаю я, но это займет много времени.

Я хочу, чтобы он страдал. Хочу смотреть, как он умирает. Но я не могу позволить себе оставаться здесь слишком долго. Ферма изолирована, но почта и посылки доставляются сюда регулярно. У них могут быть любопытные соседы.

Я не могу рисковать попасться. Я не буду портить остаток своей жизни. Он и так отнял у меня слишком много времени. Я заслуживаю будущего. Кроме того, я не хочу, чтобы меня заставляли убивать по-настоящему невиновных. Мне нужно покончить с этим поскорее, пока нас не обнаружили. Я навожу пистолет на его плечо и делаю ещё один выстрел.

Его тело снова дёргается, но на этот раз непроизвольно. Он слишком слаб, чтобы дёргаться по собственному желанию. Его голова болтается. Кровь хлещет из ран, пятнает одежду, стекается в лужи под стулом. Звуки, которые он издаёт, уже не имеют ничего общего с человеческими. Он опустился до состояния животного, и это из-за меня. Мысль не приносит мне ничего, кроме удовлетворения.

Я — воплощённое зло?

Может быть.

Я приближаюсь, смотрю ему прямо в лицо.

— Тебе жаль?

Я вижу ответ в его глазах ещё до того, как он кивает. Он сдался. Это моя победа. Но мне нужно услышать его признание.

— Скажи это! — кричу я.

— Мне жаль, — хрипит он едва слышно. Это окончательный ответ.

Я наклоняюсь близко к его уху.

— Значит, это *ты* пожалел о том, что сделал.

Я выпрямляюсь. Его глаза закатываются. Он теряет сознание от боли и потери крови. Я снова поднимаю пистолет и сильно прижимаю к его лбу. Его веки трепещут. Наши взгляды встречаются. Он знает, что победа за мной. Я предельно концентрируюсь на моменте. Я хочу запомнить каждую деталь. Его убийство должно быть преднамеренным, и он должен знать, что это произойдёт.

Смотря ему прямо в глаза, я нажимаю на курок.

По сравнению с другими кадрами этот кажется замедленным. Я вижу, как свет гаснет в его глазах. Его тело мгновенно обмякает. В комнате повисает тишина. Я слышу, как тикают старые часы на стене, как позванивает секундная стрелка. Всё, что я чувствую — почти абсолютное блаженство. Но я не могу тратить время на то, чтобы целиком в него погрузиться.

Я отворачиваюсь и выхожу из дома, запираю и закрываю дверь. Какое-то время стою на крыльце. Все ощущается иначе. Ночной воздух — приятно прохладный и влажный. Небо — чистое, на его чернильно-чёрном фоне сияют яркие точки звёзд.

Я перерождаюсь. У меня впереди целая жизнь. Благодаря его смерти я могу забыть об ужасах прошлого и двигаться дальше.

Как ни странно, я не чувствую сожаления.

Только облегчение.

Против нее

Но даже когда я говорю себе, что все наконец кончено, меня мучают противоречия. Я снимаю перчатки. Я знаю всё о мерах предосторожности. Я знаю, что нельзя оставлять отпечатки. На секунду я думаю, не оставить ли здесь орудие убийства, ведь это его пистолет. Но нет, я кладу его в карман вместе со скомканными перчатками. Я не буду рисковать.

Мало ли. Вдруг это не конец моих бед, а начало.